

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Т.В. Носенко*

ПОЗИЦИЯ СССР ВО ВРЕМЯ ОКТЯБРЬСКОЙ ВОЙНЫ 1973 Г.: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 12*

Сюжеты, связанные с арабо-израильской войной 1973 г., неоднократно становились объектом изучения как отечественных, так и зарубежных специалистов. В последние годы интерес к этой теме снова возрос, причем в западных и особенно израильских исследованиях распространение получили достаточно предвзятые и однобокие оценки роли СССР в этой войне. Данная статья, основанная на широком массиве документальных и мемуарных источников, в том числе введенных в научный оборот совсем недавно, призвана уточнить или опровергнуть выводы, содержащиеся в историографии, относительно характера советской политики на Ближнем Востоке на рассматриваемый период. В этой связи автором предпринята попытка вписать события, связанные с войной Судного дня, в более широкий контекст региональных и глобальных внешнеполитических интересов Советского Союза, в частности взглянуть на них через призму начавшейся разрядки в советско-американских отношениях. С точки зрения изучения регионального контекста особое внимание уделено вопросу о возможностях советского руководства оказывать влияние на своих ближневосточных партнеров, прежде всего на А. Садата. Наконец, автор отдельно останавливается на роли идеологического фактора в формировании позиции Москвы в отношении новой арабо-израильской войны. Автор приходит к выводу, что в действительности влияние СССР на арабские страны было весьма ограниченным, и на практике то же египетское правительство в ходе рассматриваемых событий скорее ориентировалось на США. Такая политика Каира лишала Советский Союз важной опоры в регионе

---

* *Носенко Татьяна Всеволодовна* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН (e-mail: nosenkotat@gmail.com).

и прямо отразилась на ходе последующих переговоров, призванных урегулировать конфликт, от которых СССР был фактически отстранен. Война Судного дня высветила также негативное влияние чрезмерной идеологизированности советской внешней политики, которая мешала руководству СССР гибко реагировать на быстро меняющуюся региональную ситуацию. В то же время рассматриваемые события позволяют пролить свет на истинное отношение Москвы к разрядке в советско-американских отношениях. С одной стороны, советское руководство не хотело допустить, чтобы региональный конфликт негативно отразился на достигнутом уровне взаимодействия с США. С другой стороны, события Октябрьской войны недвусмысленно показали, что в ситуации кризиса стремление защитить собственные стратегические интересы оказывалось неизменно сильнее приверженности духу разрядки.

Ключевые слова: Октябрьская война 1973 г., война Судного дня, СССР, арабо-израильский конфликт, США, Египет, А. Садат, Ближний Восток, разрядка.

В корпусе современной отечественной историографии по Ближнему Востоку заметен дефицит специальных работ, посвященных советской политике. В частности, как представляется, недостаточно изучена роль СССР в четвертой арабо-израильской войне 1973 г.¹ Этот пробел был характерен для отечественной историографии с советских времен. Даже такой авторитетный исследователь ближневосточной проблематики, как академик Е.М. Примаков, в своей книге «История одного сговора», посвященной развитию арабо-израильского конфликта в 1970-е годы, избегал анализировать советскую политику. В этой работе, например, нет упоминания о том, как советское военное давление на последнем этапе войны, интерпретированное в США как намерение осуществить военную интервенцию, создало угрозу глобального столкновения двух сверхдержав [Примаков, 1985: 42–60]. В более позднем труде, относящемся уже к постсоветскому времени, Е.М. Примаков, правда, раскрывает подоплеку обострения советско-американского противостояния, но, как представляется, делает слишком оптимистичный вывод: «После того как обе сверхдержавы поугуляли друг друга, были объединены их усилия по подготовке и проведению Женевской конференции» [Примаков, 2006: 162–163].

---

¹В исторической литературе — война Судного дня, или Октябрьская война 1973 г.

Академик А.М. Васильев, крупнейший отечественный специалист по Арабскому Востоку, пожалуй, впервые в советской и российской историографии дал подробный анализ политики СССР на Ближнем Востоке в работе 1993 г. [Васильев, 1993]². В кратком разделе о войне Судного дня, основанном главным образом на свидетельствах советских дипломатов и военных, участвовавших в тех событиях, ряд проблем, в частности характер советско-американского взаимодействия, были обозначены лишь пунктирно [Васильев, 1993: 109–118].

Известный отечественный специалист по истории международных отношений М.М. Наринский в статье, посвященной политике СССР в войне 1973 г., делает довольно спорный вывод о том, что «для советского руководства разрядка между СССР и США была более важна, чем сохранение влияния на Ближнем Востоке» [Наринский, 2006: 61].

В оценках политики СССР в отношении военных событий 1973 г. на Ближнем Востоке по-прежнему лидирующая роль принадлежит зарубежным исследователям. Характерно, что в сборнике «Октябрьская война 1973 г.: политика, дипломатия, наследие», вышедшем в Великобритании в год 40-летия четвертой арабо-израильской войны [Golan, 2013], статья на эту тему была подготовлена ведущим израильским советологом Галией Голан, автором большой монографии о политике СССР на Ближнем Востоке, написанной еще в советский период [Golan, 1990]. Ее исследование отличает очень высокий уровень аналитики, но оно строилось в основном на материалах советской и зарубежной периодической печати и лишь в малой степени затрагивало советско-американский аспект военного кризиса 1973 г.

Появляются и весьма тенденциозные работы, толкующие доступный документально-мемуарный материал исключительно в негативном для СССР свете. Так, в объемной монографии «Советско-израильская война 1967–1973 гг.» израильские журналисты И. Гинор и Г. Ремез утверждают, что Москва не только не оказывала сдерживающего влияния на арабов, но и видела в военном реванше против Израиля самозначимую цель. При этом дипломатическая активность, как они считают, служила лишь прикрытием для военной стратегии [Ginor, Remez, 2017: xvi]. Такой подход обеспечивает аргументацию для бытующих

---

² В 2018 г. вышло второе, дополненное издание этой монографии: Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018.

до сих пор представлений о том, что Советский Союз поддерживал и возглавлял «идеологическое наступление против права на существование еврейского государства»³.

Выработка собственного взгляда на события недавнего прошлого, который обеспечивал бы в том числе аргументированную основу в полемике с различными версиями, пересматривающими и искажающими историю, требует более подробного изучения советской ближневосточной политики в период войны 1973 г. В этой статье автор, не претендуя на всестороннее освещение данного вопроса, анализирует особенности советской политики в отношении арабо-израильского конфликта на различных этапах военного кризиса 1973 г. Особое внимание уделено таким аспектам, как возможности СССР сдерживать арабов в их военных устремлениях, причины, заставлявшие Москву даже в условиях видимой переориентации египетского руководства на США продолжать оказывать массированную военную помощь Египту и обеспечивать его политическую поддержку.

Обращают на себя внимание различные трактовки влияния политики разрядки в отношениях СССР и США на их действия в Ближневосточном регионе. Так, Г. Голан полагала, что советское руководство не желало ставить под угрозу политику разрядки, поэтому не поддерживало военный авантюризм своих арабских клиентов [Golan, 1990: 82–83], а Е.М. Примаков приуменьшал роль СССР и США, считая, что они не обладали решающей возможностью направлять события и оказались в зависимости от обострившегося кризиса на Ближнем Востоке [Примаков, 2006: 160]. В современной американской историографии представлен и весьма нетрадиционный взгляд, согласно которому именно разрядка способствовала поддержанию региональной нестабильности. Американский исследователь К. Дейгл, опираясь на рассекреченные в недавние годы в США архивные материалы, приходит к выводу, что Москва и Вашингтон, замораживая политическое решение конфликта в интересах разрядки, подрывали перспективы достижения мирного соглашения между арабами и израильянами [Daigle, 2012: 8]. Такая негативная оценка влияния политики разрядки на ситуацию на Ближнем Востоке намеренно или невольно ставит под вопрос ценность советско-американского сотрудничества вообще.

---

³Durns S. Marc Lamont Hill and the Soviet Union's war against Israel // The Jerusalem Post. 09.12.2018. Available at: <https://www.jpost.com/printarticle.aspx?id==573897> (accessed: 10.12.2018).

В настоящей статье автор стремится показать, что Ближний Восток оставался вне зоны политики разрядки: обе стороны использовали конфликтную ситуацию для закрепления собственных позиций в регионе. Именно это, как полагает автор, не позволило избежать эскалации военной напряженности между державами на последнем этапе войны, несмотря на высокий уровень советско-американского политического взаимодействия в ходе ближневосточного кризиса.

В работе также затронут вопрос о том, в какой степени на ближневосточном курсе отражалась идеологическая индоктринированность советской внешней политики, имел ли идеологизированный дискурс всего лишь пропагандистский характер или описание происходивших в мире процессов языком марксистско-ленинской теории становилось инструментом реализации глобальных и региональных задач Советского Союза в противостоянии с соперником? Идеологическая скованность была отличительной чертой советской внешнеполитической практики. Как подчеркивал академик А.М. Васильев, «противоречивое единство идеологии и практики, мессианской идеи, заложенной в основу Советского государства, и реальных интересов огромной страны определяло и объясняло характер поведения СССР на международной арене, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке...» [Васильев, 1993: 19]. Проявлению этого противоречия в советской политике в конкретной ситуации военного кризиса 1973 г. уделялось мало внимания и в отечественной, и в зарубежной литературе.

Закрытость архивных материалов советских ведомств, принимавших непосредственное участие в выработке внешнеполитических решений в период войны 1973 г., до сих пор серьезно сужает возможности проведения исторических исследований в этой области. Однако уже опубликованный довольно обширный свод документов по ближневосточному конфликту из архива Министерства иностранных дел РФ за период до 1967 г. позволяет составить представление о принципиальных советских позициях по ряду региональных вопросов и о подходах к ближневосточному урегулированию⁴. К 1973 г. они не претерпели значительных изменений. Подборка официальных документов и материалов по ближневосточному урегулированию, изданная Министерством иностранных дел СССР еще в 1989 г., очень на-

---

⁴Ближневосточный конфликт 1947–1967. Из документов Архива внешней политики РФ: В 2 т. Т. 2. 1957–1967 / Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: МФД, 2003.

глядно демонстрирует идеологический окрас советского внешнеполитического дискурса⁵.

В настоящей работе были использованы также документы по войне 1973 г., представленные в электронных архивных сборниках Государственного департамента⁶ США и ЦРУ⁷. Ряд интересных документов по советско-американскому взаимодействию содержатся в сборнике статей «Президент Никсон и роль разведки в арабо-израильской войне 1973 г.», выпущенном Президентской библиотекой Р. Никсона в 2013 г.⁸ Американские дипломаты и спецслужбы очень внимательно отслеживали состояние советско-арабских отношений, в частности характер и уровень советского военного присутствия в регионе и объем военной помощи, оказывавшейся Египту и Сирии. Важные документальные свидетельства раскрывают содержание советско-американских и американо-египетских переговоров, проводившихся по секретным каналам накануне и в ходе войны. Это дает возможность проследить расхождения, а порой несовместимость советского и американского подходов к проблемам урегулирования конфликта. Кроме того, рассекреченные материалы позволяют преодолеть заблуждение, что только советская сторона несла ответственность за безрезультатность разрядки в том, что касается региональных конфликтов⁹. Американская политика, как свидетельствуют документы, была направлена на вытеснение Советского Союза из региона, и в этих целях применялись различные средства манипулирования конфликтом.

К исследованию был привлечен довольно значительный мемуарный материал. Автор отдает себе отчет, что воспоминания современников не могут компенсировать отсутствие документальных источников. Но авторы мемуаров — советский посол в

---

⁵ СССР и ближневосточное урегулирование, 1967–1988: Документы и материалы / Отв. ред. Ю.М. Воронцов. М.: Политиздат, 1989.

⁶ Foreign relations of the United States, 1969–1976 (далее — FRUS). Vol. 25: Arab-Israeli crisis and war, 1973. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/> (accessed: 10.12.2018).

⁷ CIA library electronic reading room. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/home> (accessed: 10.12.2018).

⁸ President Nixon and the role of intelligence in the 1973 Arab-Israeli war. Yorba Linda, CA: Richard Nixon Presidential Library and Museum, 2013. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/international-relations/arab-israeli-war/nixon-arab-israeli-war.pdf> (accessed: 25.11.2018).

⁹ Таковую точку зрения высказывал, например, А.М. Васильев [Васильев, 1993: 125].

Вашингтоне А.Ф. Добрынин¹⁰, советский посол в Каире В.М. Виноградов¹¹, высокопоставленный советский дипломат В.Л. Израэлян¹² — основывали свои воспоминания на документах, к которым они имели доступ. Их свидетельства являются важным достоверным источником для воссоздания реальности прошлого. Особняком в этом ряду стоят воспоминания А.А. Громыко¹³, бессменного министра иностранных дел СССР на протяжении почти 30 лет. Они скорее отражают тот образ мышления, который был присущ высокопоставленным советским руководителям, чем позволяют судить о позициях Советского Союза в конкретных исторических ситуациях.

Ряд важных оценок концептуальных основ советской ближневосточной политики представлены в мемуарах К.Н. Брутенца, являвшегося на протяжении нескольких десятилетий ответственным сотрудником Международного отдела ЦК КПСС¹⁴. О некоторых военных аспектах советского участия в конфликте на Ближнем Востоке в 1973 г. можно судить по воспоминаниям советских военных специалистов, находившихся в Египте и Сирии¹⁵.

Именно использование широкого массива документальных и мемуарных источников, ставших доступными в последние годы, позволяет уточнить или опровергнуть выводы, содержащиеся в предыдущей историографии, относительно характера советской политики в войне 1973 г.

Предпосылки Октябрьской войны 1973 г.

Арабо-израильская война в октябре 1973 г. была прямым следствием и фактически продолжением июньской, или Шестидневной войны 1967 г. Продемонстрировав свое военное пре-

---

¹⁰ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.

¹¹ Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне. Из архива посла. М.: Институт востоковедения РАН, 2012; Виноградов В.М. Египет: смутная пора. Записки посла СССР // Знамя. 1988. № 12. С. 86–93.

¹² Israelyan V. Inside the Kremlin during the Yom Kippur war. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1995.

¹³ Громыко А.А. Памятное. Т. 1–2. М.: Политиздат, 1990.

¹⁴ Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М.: Международные отношения, 1998.

¹⁵ Командировка на войну. Советские военные в Египте. М.: Институт востоковедения РАН, ИСАА МГУ, 2009; Сирийский плацдарм. Воспоминания советских военных советников в Сирии / Авт.-сост. А.Н. Почтарев. М.: Кучково поле, 2016.

имущество над арабскими армиями и захватив большие арабские территории в 1967 г., Израиль рассчитывал не только укрепиться на них, но и добиться от арабов признания его в качестве полноправного регионального партнера и заставить их пойти на заключение мира, соответствовавшего интересам обеспечения его безопасности. Потерпевшая поражение арабская сторона рассматривала завоевания Израиля исключительно как результат его агрессии. Арабские лидеры не видели никаких оснований выполнять требование о прекращении состояния войны до тех пор, пока израильские войска находятся на территориях арабских государств и не решена проблема палестинского народа. С июня 1967 г. на протяжении шести лет на Ближнем Востоке велись военные действия малой интенсивности, в которых обе стороны несли большие потери. Попытки урегулировать конфликт предпринимались через ООН, СССР и США выступали со своими мирными инициативами. Но они не имели успеха не только потому, что не принимались сторонами. Военное противостояние подпитывалось большими вливаниями современных вооружений. Американская военная помощь еврейскому государству в 1971–1973 гг. возросла в десять раз по сравнению с предыдущим трехлетним периодом [Quandt, 1977: 163]. СССР в ходе «войны на истощение» разместил в Египте 18 батарей зенитно-ракетных комплексов SA2¹⁶, 80 истребителей МиГ-21 и МиГ-23 [Васильев, 1993: 97]. Советские военные поставки в Сирию в первом полугодии 1973 г. более чем в пять раз превышали объем помощи этой стране в предыдущем году¹⁷.

Советская военная поддержка арабов со времен Г. Меир¹⁸ и М. Даяна¹⁹ рассматривалась в Израиле как главный источник напряженности на Ближнем Востоке. До сих пор там есть немало сторонников версии, что именно советское вмешательство, обеспечившее как египетским, так и сирийским силам технические и стратегические преимущества на первых этапах новой войны, стало чуть ли не главным фактором успешного наступления арабских армий. Так, израильские авторы И. Гинор и Г. Ремез утверждают, что Москва в сговоре с А. Садатом²⁰ якобы распро-

---

¹⁶ SA2 — классификация Министерства обороны США, соответствует советскому зенитному ракетному комплексу С75.

¹⁷ Сирийский плацдарм... С. 35.

¹⁸ Голда Меир — премьер-министр Израиля во время войны 1973 г.

¹⁹ Моше Даян — министр обороны Израиля во время войны 1973 г.

²⁰ Анвар Садат — президент Египта во время войны 1973 г.

странила ложную версию об «изгнании советских советников»²¹, хотя на самом деле так называемые советники из СССР и были той силой, которая обеспечила высокую боеспособность египетской армии во время форсирования Суэцкого канала и штурма линии Барлева²² [Ginor, Remez, 2017: 271].

Действительно, после вывода из Египта советского контингента²³ там оставалось некоторое количество военных специалистов для обслуживания боевой техники, которая не была освоена египтянами. По данным западных источников, к началу военных действий в октябре 1973 г. в Египте находились от 80 до 200 советских военных, и 1600 человек были размещены в Сирии и Ираке²⁴. Израильская исследовательница Г. Голан утверждает, что в начале 1973 г. Москва дала согласие на возвращение в Египет 1500–2000 военных советников [Golan, 1990: 83]. Российские военные — участники тех событий свидетельствуют, однако, что «во время войны и египтяне, и сирийцы в принципе не нуждались в помощи советских инструкторов» благодаря полученной в Советском Союзе подготовке²⁵. В первые дни войны высшее советское командование было удивлено тем, что Египту и Сирии удалось достичь таких успехов в операциях на Синае и Голанских высотах без участия советников из СССР в их планировании и осуществлении²⁶.

Что же касается сговора с Москвой, то А. Садат в своих мемуарах, которые отличает довольно недружественный тон в отношении Советского Союза, подчеркивал: одна из причин, заставивших его отказаться от помощи советских военных экспертов, состояла в том, что их присутствие становилось сдерживающим фактором в реализации его военных целей в отношении Израиля. Пока советские эксперты работали в Египте, ни о какой войне не

---

²¹ В июле 1972 г. президент А. Садат потребовал вывести с территории Египта советский военный контингент, введенный туда в начале 1970 г. по просьбе президента Г. Насера.

²² Линия израильских военных укреплений на восточном берегу Суэцкого канала, возведенных после войны 1967 г.

²³ По разным сведениям, советский контингент в Египте составлял 15–17 тыс. человек.

²⁴ Soviet troops in the Middle East. Cable for Secretary Kissinger from Brant Scowcroft. 06.11.1973 // President Nixon and the role of intelligence in the 1973 Arab-Israeli war. P. 49; The Cost to the USSR of the Arab-Israeli Wars. 30.10.1973. P. 4. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1973-10-30E.pdf> (accessed: 25.11.2018).

²⁵ Командировка на войну. Советские военные в Египте. С. 33.

²⁶ Israelyan V. Op. cit. P. 53.

могло быть и речи²⁷. Снижение доверия советского руководства к египетскому режиму после смерти президента Г.А. Насера в сентябре 1970 г., неприязненное отношение к личности самого А. Садата, о чем достаточно ярко свидетельствуют мемуары и А.А. Громыко²⁸, и посла В.М. Виноградова²⁹, не дают оснований полагать, что Москва могла пойти на заключение какого-то тайного сговора с египетским лидером. В документах и мемуарной литературе содержится достаточно свидетельств о том, что с 1971 г. А. Садат координировал с американцами свои планы в отношении Израиля, а его полная переориентация на взаимодействие с США после войны доказывает, что разрыв с Москвой был органической частью его политики. Это, правда, не мешало ему как в предвоенный период, так и в ходе боевых действий постоянно требовать от СССР увеличения поставок оружия.

Предлагаемая израильскими авторами трактовка советской политики как торжества милитаристских устремлений СССР на Ближнем Востоке не вписывается в реальный контекст региональной ситуации и глобальных интересов Советского Союза в тот период. В Кремле к вероятности военных побед арабов относились очень скептически³⁰. В случае же их поражения вину за это могли возложить на СССР, как в 1967 г. Кроме того, это грозило бы большими репутационными потерями для советского оружия, поставки которого были важным элементом конкуренции с Западом за влияние в Ближневосточном регионе. Сдержанная оценка Москвой перспектив новой войны на Ближнем Востоке объяснялась опасениями, что военный авантюризм арабов поставит под угрозу наметившуюся положительную динамику в советско-американских отношениях. Американские аналитики из Совета национальной безопасности США в октябре 1973 г. пришли к заключению, что Советский Союз не подталкивал арабов к войне: «Не вызывает сомнений, что Советы были осведомлены о предполагавшихся военных действиях, — писали они. — Но сомнительно, чтобы арабов активно подталкивали к войне, хотя они и могли получить предварительно заверения в том, что им будет оказана помощь»³¹.

---

²⁷ Sadat A. In search of identity. An autobiography. London: Fontana/Collins, 1978. P. 276.

²⁸ Громыко А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 273–280.

²⁹ Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне... С. 187.

³⁰ Israelyan V. Op. cit. P. 53–56, 58.

³¹ Memorandum from Helmut Sonnenfeldt of the National Security Council staff to Secretary of State Kissinger. 10.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d142> (accessed: 20.11.2018).

Военное столкновение между арабами и Израилем скорее отвечало американским интересам. Есть свидетельства того, что Г. Киссинджер в переговорах с египтянами не настаивал на исключительно мирных способах преодоления тупика в арабо-израильском конфликте [Примаков, 2006: 150–154]. Стратегия его «разогревания» вплоть до военной фазы, воплощавшаяся американским госсекретарем, была направлена на то, чтобы дать возможность арабам, прежде всего Египту, преодолеть комплекс побежденной и униженной стороны, сложившийся после 1967 г. Вместе с тем нужно было подтолкнуть и Израиль к осознанию того, что неуступчивость и нежелание идти на компромиссы приводит к войне, в которой совсем не обязательно Тель-Авив оказывается триумфатором. Последовавшие в период войны маневры американской дипломатии состояли в том, чтобы, с одной стороны, в критические моменты оказывать помощь Израилю, а с другой, как писал посол А.Ф. Добрынин, «убедить арабов, что только США смогли приостановить победное наступление Израиля, а значит, только США могут стать естественным единственным спонсором необходимых арабо-израильских переговоров. Влияние же Советского Союза на Ближнем Востоке при этом серьезно подрывалось»³².

Советская политика во время Октябрьской войны 1973 г.: глобальное и региональное измерения

Особенностью военного кризиса на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. было то, что он разворачивался в условиях довольно интенсивно развивавшегося диалога между СССР и США по основным международным проблемам, в том числе по урегулированию арабо-израильского конфликта. По утверждению посла А.Ф. Добрынина, «вопросы ближневосточного урегулирования довольно активно стояли в повестке дня советско-американских отношений» в начале 1970-х годов³³. Тем не менее эти усилия оказались безрезультатными: державам не удалось предотвратить войну. Важная причина этого, как представляется, состояла в том, что разрядка, снижавшая напряженность между СССР и Западом на глобальном уровне, не затрагивала периферийные сферы международных отношений, не распространялась на зону арабо-израильского конфликта. Не разрядка как таковая усиливала арабо-израильскую напряженность, как полагают

---

³² Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 272.

³³ Там же. С. 194.

некоторые современные американские исследователи [Daigle, 2012: 10], а сохранявшийся на Ближнем Востоке высокий уровень советско-американской конфронтационности, который был обусловлен системой клиентских отношений со странами региона. Президент Р. Никсон указывал в выступлении перед конгрессом США в феврале 1972 г., что стремление Советского Союза закрепить и расширить свое военное присутствие в Египте вызывает беспокойство у Соединенных Штатов и может нанести урон стабильности баланса сил в районе Восточного Средиземноморья и в глобальном плане [Quandt, 1977: 148]. В свою очередь советские руководители видели в поддержке США «израильской агрессии» один из главных источников трений в советско-американских отношениях и считали необходимым добиваться ослабления роли Вашингтона в таком стратегически важном регионе, как Ближний Восток³⁴.

В 1950–1960-е годы СССР приобрел на Ближнем Востоке небывало прочные позиции по сравнению с предыдущими историческими периодами. Комплекс военно-стратегических, политических, экономических интересов требовал сохранения и упрочения этих завоеваний. Американские аналитики, оценивая со своих позиций советскую ближневосточную политику, указывали, что «интересы Москвы на Ближнем Востоке являются главным образом традиционными геополитическими интересами великой державы в отношении близлежащих меньших государств и важных морских путей»³⁵. СССР всегда будет учитывать последствия своей ближневосточной политики для взаимоотношений с США, но «ничто не заставит его отказаться от своих интересов на Ближнем Востоке» — подчеркивалось в записке, подготовленной ЦРУ в мае 1973 г.³⁶

Интерес к Ближнему Востоку не ограничивался чисто прагматическими соображениями. В марксистско-ленинской трактовке международных отношений регион представлял собой зону национально-освободительной борьбы. В директивных партийных документах указывалось, что главным препятствием в решении общенациональных задач освободившихся от колониальной за-

---

³⁴ Записка о состоянии советско-американских отношений, представленная в Политбюро в начале 1971 г. А.А. Громыко и Ю.В. Андроповым // Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 201.

³⁵ Intelligence memorandum 'Soviet policy in the Middle East'. 08.05.1973 // CIA Document Service Branch 1647/73. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1973-05-08.pdf> (accessed: 05.05.2019).

³⁶ Ibidem.

висимости государств является политика империализма и Соединенных Штатов Америки как главного оплота современного колониализма³⁷. Таким образом, взятый курс на мирное сосуществование с Западом, практическим воплощением которого стала политика разрядки, не отменял крайне враждебных идеологических характеристик роли противника в международных отношениях. Академик Е.М. Примаков, анализируя советскую ближневосточную политику, подчеркивал первоочередное значение в ней военно-политического измерения. В то же время он отмечал, что идеология до поры до времени продолжала освящать советский ближневосточный курс, теперь уже в целях его теоретических обоснований [Примаков, 2012: 24]. В реальной политике, в частности в ближневосточном конфликте, идеологические установки предполагали поддержку тех сил, которые «противостояли империализму» и потенциально могли стать опорой в продвижении советского влияния и советского видения мирового развития.

Для творцов советского внешнеполитического курса это не были пустые слова. Конкретные внешнеполитические решения в октябре 1973 г. принимались Политбюро ЦК КПСС, которое в ежедневном режиме обсуждало ход военных действий на своих заседаниях. Основными участниками этих заседаний во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым были А.Н. Косыгин, А.А. Громыко, А.А. Гречко, Н.В. Подгорный, Ю.В. Андропов, М.А. Суслов, а также секретари ЦК КПСС К. Катушев и Б. Пономарёв, которые не являлись членами Политбюро, но возглавляли два международных отдела ЦК³⁸. Это были люди, сформировавшиеся в лоне советского партийно-государственного аппарата, прошедшие испытания войной и глубоко убежденные в правильности и непреложности «ленинских принципов внешней политики», на которых строились все программные партийные документы. Так, А.А. Громыко в своих мемуарах, давая характеристику ближневосточному конфликту, писал, что главными причинами сохранявшейся взрывоопасной

---

³⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Раздел VI: Национально-освободительное движение // Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961.

³⁸ А.Н. Косыгин — председатель Совета министров СССР (1964–1980); А.А. Громыко — министр иностранных дел СССР (1957–1985); А.А. Гречко — министр обороны СССР (1967–1976); Н.В. Подгорный — Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1965–1977); Ю.В. Андропов — председатель КГБ СССР (1967–1982); М.А. Суслов — секретарь ЦК КПСС (1947–1982).

обстановки были империалистическое вмешательство во внутренние дела народов этого региона и поощряемые американцами экспансионистские устремления Тель-Авива³⁹.

Трактовка арабо-израильского конфликта как противостояния между арабским национализмом, арабским народом, борющимся за свою национальную независимость, и международным империализмом, с задачами которого отождествлялся внешнеполитический курс Израиля, пронизывала все официальные заявления советского правительства и публичные выступления советских руководителей. В симпатиях к арабам помимо чисто прагматических мотивов был и психологический момент. В них видели обиженную, пострадавшую сторону, чьи земли находились под оккупацией. Напрасно аналитики из ЦРУ полагали, что у Москвы не было особой заинтересованности в том, вернет ли себе Египет Синай, а Сирия — Голанские высоты, что поддержка этих требований была важна только для сохранения хороших отношений с арабскими столицами⁴⁰. Применение силы с их стороны рассматривалось в советских партийно-государственных кругах как законный ответ на жесткую позицию Израиля в отношении захваченных им территорий, как справедливая реакция на притязания агрессора⁴¹.

Следование арабскому дискурсу, в котором вся ответственность за сохранение напряженности на Ближнем Востоке неизменно возлагалась на Израиль, нередко приводило к сознательному искажению реальных фактов. В Заявлении правительства СССР о положении на Ближнем Востоке от 8 октября 1973 г. вообще не упоминалось о том, что войну начали арабы⁴². А.А. Громыко проинструктировал его составителей, чтобы вся вина за начало военных действий была возложена на Израиль, хотя в Кремле прекрасно знали о реальном положении дел⁴³.

Правда, в закрытых советских документах резкость в отношении Тель-Авива сменялась на вполне прагматичный подход. 16 октября, когда в войне наметился явный перевес в пользу Израиля, Л.И. Брежнев направил президенту Р. Никсону посла-

---

³⁹ Громыко А.А. Указ соч. Т. 2. С. 281.

⁴⁰ Intelligence memorandum 'Soviet policy in the Middle East'. 08.05.1973 // CIA Document Service Branch 1647/73. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1973-05-08.pdf> (accessed: 05.05.2019).

⁴¹ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 102.

⁴² Заявление правительства СССР о положении на Ближнем Востоке. 08.10.1973 // СССР и ближневосточное урегулирование... С. 172.

⁴³ Israelyan V. Op. cit. P. 41.

ние с подробным разъяснением советской позиции по вопросам урегулирования конфликта. В нем, в частности, упоминалось, что Советский Союз спас миллионы евреев от уничтожения гитлеровскими палачами, никогда не поддерживал и не поддерживает намерения ликвидировать Израиль как государство и считает, что все важные для него вопросы могут быть решены после вывода израильских войск с арабских территорий, оккупированных в 1967 г.⁴⁴

Советское руководство в разных формах предпринимало шаги по сдерживанию арабского негативизма в отношении Израиля. Как свидетельствует высокопоставленный сотрудник ЦК КПСС К.Н. Брутенц, на всех уровнях — от таких советских общественных организаций, как Комитет защиты мира, до генерального секретаря — арабов настойчиво побуждали примириться с существованием Израиля, признать его реальностью, с которой надо считаться, и искать политические пути решения противоречий⁴⁵. Правда, интенсивная антисионистская пропаганда, процветавшая на всем пространстве советского информационного поля, видимо, рикошетом била и по умонастроениям ее творцов. Известный советский дипломат О.А. Гриневский, возглавлявший отдел стран Ближнего Востока в МИД СССР в 1970-е годы, писал, например, что все предложения, исходившие от дипломатов или сотрудников ЦК, о восстановлении дипломатических отношений с Израилем⁴⁶ в интересах улучшения советских позиций в процессе арабо-израильского урегулирования отвергались А.А. Громыко под тем предлогом, что «народ нас не поймет»⁴⁷.

Первое советское заявление с угрозами непосредственно в адрес Израиля последовало после инцидентов в Сирии 9 и 12 октября, когда во время израильских бомбардировок Дамаска погибли граждане СССР, находившиеся в советском культурном центре, и было потоплено советское торговое судно «Илья Мечников»⁴⁸. Как писал присутствовавший на заседаниях Политбюро советский дипломат В.Л. Израэлян, «Подгорный, Кириленко и Суслов склонялись к тому, чтобы предпринять меры возмездия против Израиля». Однако Л.И. Брежнев и А.Н. Косыгин

---

⁴⁴ Ibid. P. 118.

⁴⁵ Брутенц К.Н. Указ. соч. С.104.

⁴⁶ СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем в июне 1967 г.

⁴⁷ Гриневский О.А. Сценарий для третьей мировой войны. Как Израиль чуть не стал ее причиной. М.: Олма-пресс Образование, 2002. С. 120.

⁴⁸ Заявление ТАСС в связи с агрессивными действиями Израиля против Сирии 13 октября 1973 г. // СССР и ближневосточное урегулирование... С. 174.

были против военного реагирования. По решению Политбюро было направлено послание президенту Р. Никсону с требованием оказать влияние на Израиль, чтобы «положить конец этим преступным действиям». Израиль предупреждали, что Советский Союз будет принимать соответствующие меры для защиты своих морских судов и других транспортных средств⁴⁹. Именно с этим инцидентом, как отмечал В.Л. Израэлян, была связана передача исключительно под контроль советских военных некоторых ракетных комплексов противовоздушной обороны, размещенных в Сирии⁵⁰. По воспоминаниям советских военных, был отдан приказ министра обороны А.А. Гречко о приведении в повышенную боевую готовность кораблей 5-й Средиземноморской эскадры⁵¹. Израильтяне получили сведения о готовности трех советских воздушно-десантных дивизий выдвинуться на помощь арабам [Bar-Siman-Tov, 1987: 202]. Фактически с первых дней войны Министерство обороны СССР активизировало военные меры, которые были обусловлены повышенным уровнем международной напряженности в непосредственной близости от советских границ, необходимостью обеспечивать безопасность воздушных и морских грузоперевозок. Однако прямого вмешательства в войну Москва довольно последовательно избегала.

Приоритетным направлением в ближневосточной политике СССР со времен президента Г.А. Насера были советско-египетские отношения. Это определялось не только положением Египта как наиболее влиятельной страны в арабском мире. Разрабатывавшаяся партийными теоретиками теория «социалистической ориентации» предполагала, что антиимпериалистический национализм, составлявший основу насеровской панарабской идеологии, приведет арабских вождей к установке на социализм [Брутенц, 1968: 22], т.е. сделает их естественными союзниками социалистического лагеря. На этом же основании советским покровительством с конца 1960-х годов пользовался и баасистский⁵² режим в Сирии, проводивший антиколониальные преобразования в стране. Правда, как считал Е.М. Примаков, по мере развития событий в арабском мире в подходах СССР к той или иной арабской стране определяющим стала ее внешнеполитическая ориентация [Примаков, 2012: 24].

---

⁴⁹ Israelyan V. Op. cit. P. 68.

⁵⁰ Ibid. P. 71.

⁵¹ Чернавин Л.Д. Место службы — Средиземное море // Командировка на войну. Советские военные в Египте. С. 244.

⁵² Партия Баас — Партия арабского социалистического возрождения.

Кремлевские лидеры недооценивали перемены во внутри- и внешнеполитическом курсе Египта с приходом к власти А. Садата. Его считали фигурой временной, во всяком случае управляемой⁵³. Сказывалась недостаточная компетентность высшего руководства СССР в отношении ситуации на Ближнем Востоке⁵⁴, при том что экспертные аналитические материалы, предупреждавшие о неблагоприятных для Советского Союза сдвигах в Египте еще в 1971 г., воспринимались с пренебрежением [Примаков, 2006: 142–144]. В Кремле имели лишь поверхностную информацию о начавшихся в феврале 1973 г. секретных встречах ближайшего советника А. Садата Х. Исмаила с бывшим тогда советником по национальной безопасности Г. Киссинджером⁵⁵. Смена курса во внешней и внутренней политике А. Садата проявлялась все более очевидно, и Москве необходимо было вновь и вновь доказывать арабским союзникам свою готовность выполнять обязательства по советско-египетскому договору, заключенному в мае 1971 г.⁵⁶ Л.И. Брежнев в своем послании от 4 октября, отвечая на вопрос А. Садата об отношении Советского Союза к его намерениям начать войну против Израиля, указывал, что решение по такому важному вопросу полностью зависит от египетского руководства, хотя в советской позиции по Ближнему Востоку главный упор делался на поисках политических средств урегулирования конфликта. По свидетельству В.Л. Израэляна, «Брежнев не пытался разубедить арабов, потому что твердая негативная позиция в отношении арабских планов, как считали в Кремле, только разрушит и так уже зыбкие “братские” отношения с ними»⁵⁷.

Советско-арабские отношения накануне войны не отличались высоким уровнем доверия. Арабы не ставили Москву в известность, например, о точном времени начала военных действий. Есть предположения, что А. Садат мог информировать Л.И. Брежнева о готовившейся арабской атаке во время секретной

---

⁵³ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 108.

⁵⁴ Israelyan V. Op. cit. P. 92.

⁵⁵ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. 08.03.1973 // FRUS. Vol. 25. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d38> (accessed: 20.11.2018).

⁵⁶ В статье 8 договора предусматривалось укрепление военного сотрудничества с Объединенной Арабской Республикой (наименование Египта до сентября 1971 г.) в целях усиления ее возможностей по ликвидации последствий агрессии, а также способности противостоять агрессии вообще.

⁵⁷ Israelyan V. Op. cit. P. 11.

встречи в Болгарии в сентябре⁵⁸. Распространена точка зрения о том, что сведения о дате нападения на Израиль были переданы в Москву сирийцами не позже 4 октября, но не через официальные советские представительства, а по каким-то секретным каналам спецслужб [Golán, 1990: 85]. В результате советское руководство 4 октября приняло решение об эвакуации семей советских служащих из Египта и Сирии, несмотря на то, что это могло повредить внезапности арабского удара. В воспоминаниях советских военных советников в Сирии подтверждается, что приказ об эвакуации был отдан министром обороны А.А. Гречко в ответ на полученную в конце сентября информацию⁵⁹. Проведенная в короткие сроки эвакуация⁶⁰ большого количества людей (по оценкам, из Египта были вывезены около 3700 человек⁶¹, из Сирии, вероятно, еще больше) вновь вызывает подозрения пересматривающих историю авторов. Для них это означает, что Москва была оповещена о дате начала военных действий заблаговременно, поэтому все было подготовлено заранее [Ginor, Remez, 2017: 329–333]. Посол В.М. Виноградов, однако, утверждал, что и 6 октября во время встречи с ним А. Садат весьма туманно говорил о том, что в ближайшие часы можно ожидать событий⁶².

Как представляется, вопрос о степени осведомленности советского руководства о времени начала войны, которому в литературе, написанной за несколько прошедших после 1973 г. десятилетий, уделялось повышенное внимание, не имеет столь большого значения. Москва не могла предотвратить войну. Недаром Л.И. Брежнев во время своего визита в США в июне 1973 г., имея поручение Политбюро, настойчиво стремился привлечь внимание американского президента к тому, что на Ближнем Востоке возрастает угроза новой арабо-израильской войны и что СССР становится непросто сдерживать своих арабских союзников⁶³.

Планы А. Садата о проведении сугубо ограниченных военных действий не были известны в Москве. Сделанные им задолго до октября 1973 г. заявления о том, что война должна восстановить внимание всего мира к ближневосточной проблеме и для этого

---

⁵⁸ Ibid. P. 6–7.

⁵⁹ Сирийский плацдарм... С. 28–29.

⁶⁰ Для эвакуации советских граждан из СССР присылались самолеты и были задействованы корабли Средиземноморской эскадры.

⁶¹ Israelyan V. Op. cit. P. 4.

⁶² Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне. С. 52.

⁶³ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 261.

«ему достаточно будет завоевать десять сантиметров земли на восточном берегу Суэца и закончить войну на условиях, приемлемых для Египта», не воспринимались всерьез⁶⁴. Призывы советского руководства к арабским лидерам выработать общую позицию мало что значили для А. Садата, который не слишком заботился о координации своих действий с Сирией [Примаков, 2006: 154–156]. Когда уже в первые дни войны сирийцы понесли тяжелые потери и отступали к Дамаску, египетские войска взяли «оперативную паузу», несмотря на то что советское военное командование настоятельно рекомендовало развивать наступление на южном фронте в поддержку союзников.

Уже 8 октября Сирия, добившись значительных успехов на Голанских высотах, обратилась к СССР с настоятельным требованием выступить с инициативой о прекращении огня. Однако советское руководство отдало приоритет отношениям с Египтом, в тот момент тормозившим любые подобные инициативы. Вскоре перешедшая в наступление израильская армия лишила сирийцев всех завоеваний первых дней. Президент Х. Асад впоследствии обвинял Москву в предательстве сирийских интересов, несмотря на большую военную помощь, оказанную СССР Сирии⁶⁵.

Во многих работах справедливо отмечается, что с самого начала конфликта советское руководство стояло на позициях скорейшего прекращения огня [Васильев, 1993: 111; Golan, 1990: 86; Bar-Siman-Tov, 1987: 196–197], но на первом этапе войны Политбюро затормозило продвижение этой идеи после того, как ее категорически отверг египетский президент. В ответ на послание Р. Никсона, поступившее уже вечером 6 октября и содержавшее предложение о совместных действиях в Совете Безопасности ООН для принятия резолюции о прекращении огня, Л.И. Брежнев писал: «...в настоящей ситуации Советский Союз не может голосовать в Совете Безопасности за резолюцию о прекращении огня»⁶⁶. Пока военная инициатива была на стороне арабов, Кремль был против обсуждения вопросов об отводе войск на позиции до начала военных действий и против создания каких-либо комиссий расследования в рамках ООН⁶⁷. Более того, советскому представителю в Совете Безопасности поступили инструкции

---

⁶⁴ Israelyan V. Op. cit. P. 72.

⁶⁵ Ibid. P. 73.

⁶⁶ Message from Soviet General Secretary Brezhnev to President Nixon. 10.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 149. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d189> (accessed: 15.02.2019).

⁶⁷ Ibidem.

из Москвы наложить вето на любой проект такой резолюции, если об этом попросят представители Египта и Сирии. При этом приоритет отдавался мнению египетской стороны⁶⁸.

Заняв выжидательную позицию, Л.И. Брежнев и его коллеги по Политбюро фактически пошли на поводу у А. Садата, воодушевленного военными победами своей армии в первые дни войны и рассчитывавшего продолжить военное давление на Израиль. В Кремле считали, что без формального одобрения арабов совместные советско-американские действия в Совете Безопасности ООН в целях прекращения войны будут нарушать принцип «пролетарского интернационализма», подрывая позиции Советского Союза как лидера антиимпериалистической борьбы. По воспоминаниям В.Л. Исраэляна, заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов так разъяснял ему ситуацию: «Можешь представить себе, что случится, если кто-то из арабов выступит против наших совместных шагов с американцами, а китайцы затем наложат вето на резолюцию? Ты что, хочешь, чтобы китайцы стали лидерами национально-освободительных, антиимпериалистических сил?»⁶⁹ Так в период ближневосточной войны проявился «китайский синдром» — идейно-политическая конфронтация с маоистским руководством КНР, которое считало советский курс на сближение с Западом несовместимым с марксистско-ленинским учением и использовало любые его проявления для дискредитации советских позиций в странах «третьего мира» и в коммунистических партиях. «Повысившаяся на Ближнем Востоке активность китайцев» крайне негативно расценивалась советским руководством еще в 1960-е годы⁷⁰. В.Л. Исраэлян отмечал, что во время войны «китайский фактор» присутствовал почти во всех обсуждениях по Ближнему Востоку в Кремле. Угроза потенциального влияния Китая в регионе, как он полагал, иногда заслоняла в глазах советских лидеров другие ближневосточные проблемы⁷¹.

Плохо укладывалось в логику борьбы за скорейшее прекращение огня советское решение о массированных поставках оружия Египту и Сирии для восстановления их потерь, когда, по свидетельствам очевидцев, 9–10 октября на арабские аэродромы

---

⁶⁸ Israelyan V. Op. cit. P. 47.

⁶⁹ Ibid. P. 38.

⁷⁰ Записка министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС. Ноябрь 1966 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1967. Из документов Архива внешней политики РФ. Т. 2. С. 529.

⁷¹ Israelyan V. Op. cit. P. 97.

приземлялось до 90 советских бортов в сутки. Израильская исследовательница Г. Голан высказывала недоумение, как советское руководство могло не просчитать, что это «повлечет за собой такие же американские действия, поставит под угрозу разрядку, продлит войну и увеличит риски столкновения супердержав» [Golani, 1990: 87]. Рационалистический взгляд зарубежного исследователя не всегда мог рассмотреть довлеющую роль идеологических установок над прагматическими соображениями в процессе принятия решений в Кремле. В Политбюро наибольшей взвешенностью и осторожностью в том, что касалось поставок оружия арабам, отличались А.А. Громыко и А.Н. Косыгин. Они считали, что арабский арсенал и так превосходит израильский, а увеличение военной помощи будет только способствовать затягиванию войны. В наиболее острые ее моменты А.А. Громыко поднимал вопрос об ограничении поставок вооружений сторонам и предлагал прозондировать мнение Вашингтона на этот счет⁷². Однако, как писал В.Л. Ибраэлян, в Политбюро преобладала убежденность, что Советский Союз, компенсируя потери вооружения у арабов, выполняет свою «историческую миссию» как лидер всех антиимпериалистических сил, всего «прогрессивного человечества»⁷³. «Прагматикам» приходилось уступать «идеологам», указывавшим на принципиальную разницу между военными поставками СССР и США: советское оружие помогало жертвам агрессии, а американское — агрессору.

В первые дни войны успехи арабов позволяли Москве занять выжидательную позицию в вопросе о прекращении огня, но когда инициатива уже перешла к Израилю и советские военные оценивали ситуацию на фронтах как неблагоприятную для своих арабских союзников, в Политбюро было принято решение добиваться согласия А. Садата на остановку боев. С этой целью в Каир был направлен премьер-министр А.Н. Косыгин, перед которым была поставлена еще одна важнейшая задача: донести до египетского президента, что Советский Союз не будет участвовать в военных действиях. «Вы должны заявить это официально, чтобы не было никаких недопониманий», — напутствовал Л.И. Брежнев советского премьера⁷⁴. Однако западные источники сообщают, что примерно в это же время, когда израильские танки переправились на западный берег Суэцкого канала, советское

---

⁷² Ibid. P. 154.

⁷³ Ibid. P. 57.

⁷⁴ Ibid. P. 97.

командование планировало высадку там ограниченного десанта военно-морской пехоты. Эти планы были отозваны в последнюю минуту [Ефименко, Скулин, 2012].

Рассмотренные парадоксы советской политики, вероятно, можно объяснить несогласованностью действий бюрократического аппарата, как это делал В.Л. Израэлян⁷⁵, определенной автономностью Министерства обороны при реализации военных мер в рамках тех политических решений, которые принимались на высшем уровне. Как представляется, эта демонстрация повышенной боевой готовности могла иметь и сугубо внутривластные причины. Политика разрядки, проводившаяся Л.И. Брежневым и его окружением, воспринималась далеко не однозначно на всех ступенях партийно-аппаратной власти. Аналитики ЦРУ, с большим вниманием следившие за всеми процессами в СССР, отмечали обеспокоенность в рядах советского руководства сохранением идеологической устойчивости в обществе по мере того, как в процессе разрядки Советский Союз вынуждали идти на все большие компромиссы⁷⁶. Политическая и материальная поддержка арабов, готовность отправить советские войска им на помощь предоставляли критикам и всем сомневающимся доказательства того, что детант не настолько значим, чтобы ради него СССР пожертвовал своими позициями на Ближнем Востоке.

Во многих работах решение египетского президента пойти на перемирие связывалось именно с визитом А.Н. Косыгина (16–19 октября) [Богатуров, Аверков, 2010: 182; Наринский, 2006; Var-Siman-Tov, 1987: 222; Golan, 1990: 89]. Однако этот визит фактически был безрезультатным⁷⁷. Возможности советской стороны в оказании давления на арабов по-прежнему были довольно ограниченными. В это время египтяне обсуждали условия прекращения огня по секретным каналам с американцами и подчеркивали, что никакая другая сторона не может выступать от имени Египта⁷⁸. Как и прежде, А. Садат не ставил в известность своих советских покровителей об этих контактах и их содержании.

---

⁷⁵ Ibid. P. 192–193.

⁷⁶ Memorandum. Subject: The Middle East War, Brezhnev's position, and Detente. 19.10.1973 // CIA Document Service Branch 2455/73. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1973-10-19.pdf> (accessed: 05.05.2019).

⁷⁷ Israelyan V. Op. cit. P. 114.

⁷⁸ Backchannel message from Secretary of State Kissinger to the Egyptian Presidential Adviser for National Security Affairs (Ismail) // FRUS. Vol. 25. Doc. 189. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d189> (accessed: 15.02.2019).

Однако именно к Москве А. Садат обратился уже через несколько дней, 21 октября, с требованием принять все необходимые меры для обеспечения немедленного прекращения огня, когда Египет уже не справлялся с армией Израиля, перешедшей в наступление на западном берегу Суэцкого канала. В разговоре с послом В.М. Виноградовым А. Садат тогда бросил свою известную фразу: «Я могу воевать с Израилем, но я не могу воевать с США»⁷⁹, имея в виду те массированные военные поставки, которые были начаты американцами 14–15 октября и сыграли важную роль в переломе войны в пользу еврейского государства.

Еще до каирского визита А.Н. Косыгина, когда 15 октября в Москву стали поступать сведения об успешных израильских контратаках в районе Суэцкого канала, Л.И. Брежнев принял решение обратиться к президенту Р. Никсону с посланием, в котором предлагал в срочном порядке искать пути снижения напряженности на Ближнем Востоке⁸⁰. При этом захват Израилем арабских территорий назывался главной и существенной причиной отсутствия мира в регионе, поэтому независимо от результатов войны Израилю предлагалось недвусмысленно заявить о своей готовности вывести войска с территорий, оккупированных в 1967 г. В советских предложениях подчеркивалась неприемлемость удовлетворения каких-либо территориальных амбиций Тель-Авива. По окончании войны все вопросы, касавшиеся гарантий безопасности и границ всех государств, участвовавших в конфликте, включая Израиль, предлагалось решать через Совет Безопасности ООН. В проекте резолюции, прилагавшемся к посланию, помимо пункта о прекращении огня содержалось требование о немедленном после этого поэтапном выводе израильских войск с оккупированных арабских территорий к линиям, соответствовавшим резолюции 242 Совета Безопасности. Советская сторона также призывала к «соответствующим консультациям» в целях достижения справедливого мира на Ближнем Востоке, что предполагало совместное с американцами участие в переговорном процессе по урегулированию ближневосточного конфликта⁸¹. Ответ Р. Никсона, не затрагивавший

---

⁷⁹ Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне. С. 140.

⁸⁰ Israelyan V. Op. cit. P. 116–120.

⁸¹ Transcript of telephone conversation between Secretary of State Kissinger and the Soviet Ambassador (Dobrynin). 18.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 202. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d202> (accessed: 12.08.2019)..

никаких главных пунктов советских предложений, был чисто формальным и очень разочаровал Л.И. Брежнева⁸².

Этот ключевой эпизод объясняет многие дальнейшие несоответствия в советско-американском взаимодействии. В позиции СССР по конфликту после войны 1967 г. просматривалось следование бескомпромиссному подходу арабских стран, которые требовали безоговорочного ухода Израиля с захваченных арабских территорий, не гарантируя при этом прекращения состояния войны с ним⁸³. Американцы поддерживали позицию Израиля, который рассматривал территории не только как разменную карту в переговорном процессе, но и как важный элемент обеспечения безопасности во враждебном арабском окружении. Военные победы Израиля делали еще менее реалистичным его согласие на безоговорочный вывод войск.

Для долгосрочных планов Г. Киссинджера, предполагавших вытеснение Советского Союза с Ближнего Востока, было важно обеспечить закрепление Израилем своих военных достижений. Американская сторона всеми силами избегала увязки прекращения огня с немедленным уходом Израиля с арабских территорий и дальнейшим политическим урегулированием конфликта. Г. Киссинджер в беседе с советским послом, комментируя полученный проект резолюции о прекращении огня, высказывал сомнения относительно выполнимости его п. 2 об отводе израильских войск к линиям в соответствии с резолюцией 242 под тем предлогом, что такие линии, с его точки зрения, не установлены⁸⁴. Направляясь в Москву, американский госсекретарь всячески подчеркивал, что он вряд ли сможет вести переговоры об окончательном урегулировании и речь пойдет только о прекращении огня⁸⁵.

В историографии по войне 1973 г. инициатором приглашения Г. Киссинджера для консультаций часто называют именно

---

⁸² Message from President Nixon to Soviet General Secretary Brezhnev. 18.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 204. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d204> (accessed: 12.08.2019).

⁸³ Запись беседы министра иностранных дел СССР А.А. Громыко с министром иностранных дел ОАР М. Риадом 25 сентября 1967 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1967. Из документов Архива внешней политики РФ. Т. 2. С. 622–624.

⁸⁴ Transcript of telephone conversation between Secretary of State Kissinger and the Soviet Ambassador (Dobrynin). 18.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 202. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d202> (accessed: 12.08.2019).

⁸⁵ Transcript of telephone conversation between Secretary of State Kissinger and the Soviet Ambassador (Dobrynin). 19.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 211. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d211> (accessed: 12.08.2019).

Москву [Наринский, 2006: 55; Golan, 1990: 89]. Однако советские дипломаты подозревали, что американский госсекретарь «напросился» на этот визит в своих личных интересах, в том числе для укрепления собственных позиций в высших эшелонах американской власти⁸⁶. Г. Киссинджер рассматривал свою поездку в Москву как возможность оттянуть вынесение вопроса о перемирии в Совет Безопасности ООН, «пока не будет сформулировано приемлемое решение», и «выиграть еще по крайней мере 72 часа для усиления военного давления», т.е. для продвижения израильских войск [Kissinger, 1982: 542–543]. Со своей стороны Л.И. Брежнев, получивший накануне его приезда послание от Р. Никсона с заверениями в личной приверженности цели установления мира на Ближнем Востоке⁸⁷, считал, что в переговорах с Г. Киссинджером помимо достижения договоренностей о прекращении огня следует ставить вопрос и о конкретных шагах, которые должны быть предприняты совместно СССР и США для продвижения политического решения конфликта⁸⁸. Советской стороне не было известно в тот момент о расхождениях в позициях Р. Никсона и Г. Киссинджера по выстраиванию процесса арабо-израильского урегулирования⁸⁹.

На московских переговорах очень наглядно проявились разногласия между сторонами по, казалось бы, чисто техническим вопросам, которые на самом деле отражали реальные политические противоречия между ними. Г. Киссинджер под всевозможными предлогами стремился отсрочить созыв Совета Безопасности ООН, выдвигал довольно надуманные возражения против вступления в силу положения о прекращении огня через 12 часов после принятия резолюции, считая этот срок слишком коротким⁹⁰. Советский Союз придавал очень большое значение

---

⁸⁶ Israelyan V. Op. cit. P. 122.

⁸⁷ Message from President Nixon to Soviet General Secretary Brezhnev. 20.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 217. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d217> (accessed: 12.08.2019).

⁸⁸ Memorandum of conversation. General Secretary Brezhnev's Office. Kremlin, Moscow. 21.10.1973. P. 2 // The National Security Archive. The George Washington University. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB98/octwar-49.pdf> (accessed: 20.08.2019).

⁸⁹ Расхождения Р. Никсона и Г. Киссинджера по вопросам урегулирования ближневосточного конфликта подробно освещены в мемуарах А.Ф. Добрынина. См.: Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 271, 282.

⁹⁰ Memorandum of conversation. General Secretary Brezhnev's Office. Kremlin, Moscow. 21.10.1973. P. 15 // The National Security Archive. The George Washington

включению в резолюцию формулы о проведении переговоров между сторонами «под соответствующей эгидой», которая должна была гарантировать участие СССР в дальнейшем политическом процессе. Помимо ее закрепления в проекте резолюции советские дипломаты настояли на составлении специального меморандума, разъяснявшего, что «под «соответствующей эгидой» следует понимать активное участие Соединенных Штатов и Советского Союза в переговорах между сторонами при обсуждении ключевых вопросов урегулирования»⁹¹.

Но для Г. Киссинджера эта формулировка была малозначимой. Находясь с визитом в Израиле сразу после московских переговоров, на вопрос премьер-министра Г. Меир, что значит переговоры «под соответствующей эгидой», он отвечал: «Ничего, <...> моя стратегия в этом кризисе заключается в том, чтобы не позволять ни арабам, ни русским иметь слишком громкий голос»⁹².

Брежневское руководство расценивало результаты московских переговоров как успех своей политики: во-первых, удалось разработать проект резолюции, который, как полагали, соответствует арабским требованиям; во-вторых, были достигнуты договоренности с Соединенными Штатами в разгар войны, в которой интересы сверхдержав различались, т.е. удалось сохранить динамику разрядки. Г. Киссинджер, отчитываясь перед президентом, делал совсем другие акценты. Он подчеркивал: «...договоренности, вне всяких сомнений, говорят о том, что Соединенные Штаты имеют доминирующее влияние в регионе, и без них ничего не может быть решено. <...> Самое главное — нам удалось осадить Советы в глазах всего мира»⁹³, — рапортовал госсекретарь.

В этих противоположных оценках, когда каждый полагал, что переиграл соперника, и трактовал полученные результаты в свою пользу, видимо, крылись зачатки случившегося через несколько дней обострения. Советский энтузиазм по поводу эффективности сотрудничества с американцами быстро шел на убыль, когда вопреки принятой 22 октября в Совете Безопасности

University. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB98/octwar-49.pdf> (accessed: 20.08.2019).

⁹¹ Israelyan V. Op. cit. P. 137.

⁹² Memorandum of conversation. Tel Aviv. 22.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 230. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d230> (accessed: 20/08/2019).

⁹³ Telegram from Secretary of State Kissinger to the President's Deputy Assistant for national security affairs. Moscow. 21.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 222. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d222> (accessed: 15.02.2019).

ООН резолюции № 338⁹⁴ Израиль продолжил наступательные операции, не прекратив военные действия и после повторных требований СБ ООН в резолюции № 339 от 23 октября⁹⁵. Израильские войска окружили третью египетскую армию, возникла угроза продвижения израильтян к Каиру.

Кремлевские лидеры заподозрили американского госсекретаря в намеренном обмане, в сговоре с израильтянами. Наблюдавший эту смену настроений в высших кругах руководства В.Л. Израэлян вспоминал, что всё больше укреплялось желание дать «твердый отпор американским империалистам и Израилю», «продемонстрировать мощь единства мира социализма и его солидарность с народами, борющимися против агрессоров»⁹⁶.

В.Л. Израэлян полагал, что свою роль в ужесточении советской позиции играли и идеологические соображения: 25 октября в Москве открывался Всемирный конгресс миролюбивых сил — большое советское пропагандистское мероприятие, в котором участвовали более 3000 делегатов из 143 стран, были представлены около 1100 политических партий, организаций и движений [История внешней политики СССР, 1981: 412]. Л.И. Брежневу необходимо было предъявить этому форуму результаты советской «миролюбивой политики», продемонстрировать перед его участниками ведущую роль СССР в укреплении мира, и это подстегивало добиваться прекращения военных действий на Ближнем Востоке любыми способами⁹⁷. Однако, по словам А.Ф. Добрынина, у Советского Союза «осталось не так уж много реальных возможностей, чтобы повлиять на ход событий»⁹⁸.

Советское правительство испытывало большое давление со стороны А. Садата, который, как писал посол В.М. Виноградов, требовал прислать советские войска или наблюдателей. С такой же просьбой он обращался к США, а в случае их отказа просил Советский Союз действовать отдельно⁹⁹. Причем советские дипломаты считали, что на самом деле военное вмешательство СССР не входило в планы египетского президента, но он разыг-

---

⁹⁴ Резолюция 338 от 22 октября 1973 г. // ООН. Доступ: [https://undocs.org/ru/S/RES/338\(1973\)](https://undocs.org/ru/S/RES/338(1973)) (дата обращения: 15.05.2019).

⁹⁵ Резолюция 339 от 23 октября 1973 г. // ООН. Доступ: [https://undocs.org/ru/S/RES/339\(1973\)](https://undocs.org/ru/S/RES/339(1973)) (дата обращения: 15.05.2019).

⁹⁶ Israelyan V. Op. cit. P. 160.

⁹⁷ Ibid. P. 164.

⁹⁸ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 273.

⁹⁹ Виноградов В.М. Египет: смутная пора... С. 193.

рывал «советскую карту», чтобы заставить Вашингтон выполнять свои обещания по стратегии урегулирования конфликта¹⁰⁰.

В Кремле меры по спасению Египта рассматривались очень серьезно. Среди высшего руководства наиболее радикальную позицию в отношении отправки на Ближний Восток вооруженного контингента в одностороннем порядке или совместно с американцами занимал министр обороны А.А. Гречко¹⁰¹, но эта идея не находила поддержки. Л.И. Брежнев говорил: «Мы уже приняли принципиальное решение не вмешиваться в войну на Ближнем Востоке, и нет причин менять наше решение»¹⁰². Вечером 24 октября на Политбюро было решено направить в Каир группу из 50 советских наблюдателей. Но по мере того как ситуация для египтян становилась безнадежной, в Кремле пришли к заключению, что единственный способ выйти из тупика — оказать эффективное давление на Вашингтон, чтобы американцы в свою очередь осуществили решительный нажим на Израиль. Как подчеркивали советские дипломаты, в Москве были уверены, что даже намек на возможность одностороннего советского военного вмешательства будет достаточно, чтобы заставить Вашингтон действовать более активно и остановить Израиль¹⁰³.

В советском послании американскому президенту от 24 октября подчеркивалось, что ситуация на Ближнем Востоке требует неотложных мер, и «если вы не найдете нужным предпринять совместные с нами действия в связи с этим, то мы будем поставлены перед необходимостью срочно рассмотреть вопрос о соответствующих шагах в одностороннем порядке. Мы не можем допустить произвола со стороны Израиля»¹⁰⁴. В ответ США приняли решение о введении повышенной боеготовности в американских войсках, включая ядерный компонент, в некоторых районах мира, в том числе в Европе (DEFCON III). Рассмотрение причин принятия американской стороной этого радикального решения не входит в задачи данной статьи. Отметим лишь, что оно базировалось на сведениях о повышении уровня боеготовности в семи советских воздушно-десантных дивизиях, о внезапной

---

¹⁰⁰ Israelyan V. Op. cit. P. 166.

¹⁰¹ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 274; Israelyan V. Op. cit. P. 154.

¹⁰² Israelyan V. Op. cit. P. 168.

¹⁰³ Ibidem; Виноградов В.М. Египет: смутная пора... С. 193.

¹⁰⁴ Message from Soviet General Secretary Brezhnev to President Nixon. 24.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 267. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d267> (accessed: 20.08.2019).

приостановке воздушного моста по снабжению Египта оружием, что рассматривалось как возможная переориентация транспортных средств на переброску войск в Каир. При этом в увеличении объемов морских транспортировок американцы усматривали дополнительные поставки оружия, которое должно использоваться военным контингентом, переброшенным в регион¹⁰⁵. В западной и израильской прессе появилась пугающая информация о переправке на советских кораблях неких ядерных объектов на Ближний Восток [Golan, 1990: 92–94]¹⁰⁶. Достоверность этих сообщений до сих пор остается под вопросом. В публикациях российских мемуаристов в недавние годы упоминалось о том, что в октябре 1973 г. среди советских военных специалистов, работавших в Египте, ходили слухи о поставке туда ядерных зарядов из СССР [Ефименко, Скулин, 2012]. Однако советская сторона факт поставок ядерного оружия опровергала.

О советских военных приготовлениях в связи с ближневосточной войной в 1973 г. до сих пор известно мало. Посол В.М. Виноградов в своих воспоминаниях о последнем этапе войны вообще не упоминал о военном аспекте тех предупреждений, которые были направлены американцам¹⁰⁷. В.Л. Израэлян довольно подробно перечислял известные ему меры, которые были приняты Министерством обороны СССР после обращения А. Садата к Л.И. Брежневу и Р. Никсону с требованием прислать военные контингенты на Ближний Восток: был повышен уровень тревоги на кораблях 5-й Средиземноморской эскадры, проведены ранее планировавшиеся маневры в Карпатском и Закавказском военных округах, но никаких обсуждений о переброске советских войск в район конфликта в Политбюро не велось¹⁰⁸.

Необходимо отметить, что реальная возможность советской интервенции вызывала сомнения и у членов Совета национальной безопасности США, принимавших решение о военной тревоге в ночь с 24 на 25 октября¹⁰⁹. Оценивая этот шаг амери-

---

¹⁰⁵ Memorandum for the Record 24/25 October // FRUS. Vol. 25. Doc. 269. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d269> (accessed: 20.08.2019).

¹⁰⁶ Командировка на войну. Советские военные в Египте. С. 34; Israelyan V. Op. cit. P. 191.

¹⁰⁷ Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне. С. 64–65.

¹⁰⁸ Israelyan V. Op. cit. P. 191.

¹⁰⁹ См., например: Memorandum for the Record 24/25 October // FRUS. Vol. 25. Doc. 269. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d269> (accessed: 20.08.2019).

канцев, израильское руководство полагало, что резкая американская реакция на советскую угрозу была вызвана не столько опасениями глобальной конфронтации, сколько стремлением использовать обострение советско-американской напряженности для оказания давления на Израиль, с тем чтобы заставить его снять блокаду третьей египетской армии. Это в свою очередь обеспечивало Вашингтону дополнительные очки в отношениях с Египтом [Bar-Siman-Tov, 1987: 230].

В российских работах последних лет представлена версия о том, что в ответ на американские меры советские вооруженные силы были приведены в состояние повышенной боевой готовности [Наринский, 2006: 59; Хрусталеv, 2002: 26]. Однако документы и мемуарная литература свидетельствуют о том, что реакция советской стороны была весьма сдержанной. Информация об американской военной тревоге была встречена в Кремле с недоумением. «Мы выражаем удивление по поводу вашего приказа привести вооруженные силы США в боевую готовность», — говорилось в советском послании Р. Никсону от 26 октября¹¹⁰. «Нам представляется, что предпринятые меры являлись средством давления на Советский Союз <...>, но такие расчеты не могут запугать нас или поколебать нашу решимость действовать в духе безусловного соблюдения всех положений принятых Советом Безопасности решений»¹¹¹. Советские руководители, видимо, осознавали в тот момент, что переоценили установившийся на предыдущих этапах дух сотрудничества в советско-американских отношениях, и не желали усугублять возникшую ситуацию, чтобы не разрушить достижения разрядки. Л.И. Брежнев и его коллеги сочли, что их действия достигли цели, и «на Израиль наконец оказывается реальное давление, чтобы заставить его прекратить уничтожение египтян»¹¹².

В советском информационном пространстве весь инцидент с обменом военными угрозами с США получил очень приглушенную оценку. «Заявление ТАСС в связи с политикой США на Ближнем Востоке», выдержанное в весьма умеренном тоне, было опубликовано в «Правде» только 28 октября, когда американцы уже отменили эту меру¹¹³. В речи 26 октября на Всемирном кон-

---

¹¹⁰ Hotline message from Soviet General Secretary Brezhnev to President Nixon. 26.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 288. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d288> (accessed: 20.08.2019).

¹¹¹ Ibidem.

¹¹² Israelyan V. Op. cit. P. 189.

¹¹³ СССР и ближневосточное урегулирование... С. 181.

грессе миролюбивых сил генеральный секретарь во вполне характерной советской манере интерпретации событий отметил, что распространяемые в странах НАТО разного рода фантастические домыслы о намерениях Советского Союза на Ближнем Востоке не могут способствовать нормализации положения в регионе¹¹⁴. Советские лидеры явно не хотели омрачать торжество «политики мира, сотрудничества и взаимопонимания» новым обострением советско-американских отношений. Л.И. Брежневу важно было подчеркнуть, что Советский Союз играет ведущую роль в снижении напряженности в международных отношениях, что разрядка необратима и что для разрешения международных конфликтов необходимо использовать политические, а не военные средства. Кремлевские лидеры стремились отвести от себя какие-либо обвинения в том, что и Советский Союз несет ответственность за опасную военную эскалацию последних дней.

26 октября военная тревога в войсках США была отменена, военные действия на египетско-израильском фронте и на Голанских высотах были прекращены. На следующий день представители Египта и Израиля впервые встретились на 101-м километре дороги Каир—Суэц и впервые за десятилетия между враждующими сторонами начались прямые переговоры.

Однако очень быстро выявился настрой американской дипломатии на решение вопросов урегулирования в обход советских представителей в нарушение всех достигнутых ранее договоренностей о «соответствующей эгиде». Посол В.М. Виноградов писал, что о переговорах между А. Садатом и Г. Киссинджером он узнавал из египетской печати, и их результаты в рамках неизвестного советской стороне «общего соглашения» о разъединении египетских и израильских войск явно противоречили зафиксированному в резолюции № 340 СБ ООН решению о безусловном отводе израильских войск на позиции 22 октября¹¹⁵. Г. Киссинджер начинал свою дипломатию «шаг за шагом», сохраняя лишь видимость «совместных действий» с СССР.

* * *

Война показала, что возможности «управления» арабскими подопечными у Советского Союза очень ограничены. Загипнотизированность собственными идеологическими догмами воспрепятствовала своевременным трезвым оценкам намерений

---

¹¹⁴ Там же. С. 180.

¹¹⁵ Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне... С. 67.

А. Садата в войне, и советское руководство, не имея полной информации о сути египетско-американских контактов, фактически играло в чужую игру. А. Садат использовал «советскую карту» не в интересах общеарабской «антиимпериалистической борьбы», а как рычаг давления на американцев, чтобы заставить их выполнить данные еще до войны обещания и повести процесс урегулирования конфликта по пути, соответствовавшему его интересам. СССР не обладал достаточными политическими ресурсами для исполнения роли посредника в процессе урегулирования как из-за смены курса египетским руководством, так и из-за отсутствия отношений с Израилем. Это облегчало американской дипломатии задачу по переводу процесса урегулирования в режим двусторонних переговоров без непосредственного участия Советского Союза.

Благодаря политике разрядки советско-американское сотрудничество в целях прекращения военных действий на Ближнем Востоке достигло в октябре 1973 г. беспрецедентно высокого уровня. Резолюция № 338, проект которой был разработан совместными усилиями СССР и США и единогласно принят Советом Безопасности ООН, стала одним из основополагающих международных документов по ближневосточному конфликту. Однако расчеты советской стороны на то, что взаимодействие сверхдержав станет решающим фактором в урегулировании кризиса на Ближнем Востоке, не оправдались. Каждая из сторон добивалась установления такого мира, который в первую очередь обеспечивал бы ее собственные интересы. Американская стратегия заключалась в том, чтобы обеспечить военные преимущества Израиля и в то же время предотвратить окончательный разгром арабов, подорвать советские позиции в арабском мире и развернуть арабские страны, прежде всего Египет, в сторону США.

СССР не был намерен сдавать завоеванные позиции на Ближнем Востоке даже ради достижений детанта. Параллельно принципиальной установке высшего руководства на невмешательство в войну осуществлялись массированные поставки оружия Египту и Сирии, демонстрации боеготовности советских ВВС и ВМФ в целях оказания поддержки арабским союзникам и противостояния активизации военно-морских сил США в Восточном Средиземноморье.

Эта политика мотивировалась не только чисто прагматическими соображениями. Курс на разрядку и сотрудничество с Западом входил в столкновение с марксистско-ленинскими принципами советской внешней политики. Установив во время

Октябрьской войны сотрудничество с США — лидером «империалистического лагеря», Москва в то же время обеспечивала арабов всеми необходимыми средствами для победы над Израилем и теми «империалистическими силами, которые стояли за ним», т.е. теми же Соединенными Штатами. Идеологическая фразеология становилась формой, в которую сверхдержава облекала свои претензии на лидирующую роль в решении мировых проблем. Внутри страны демонстрация идеологической твердости, выражавшаяся в поддержке «справедливой борьбы арабских народов против израильской агрессии», была необходима для того, чтобы приглушить недовольство противников слишком тесного взаимодействия с США, осуществлявшегося советским руководством во главе с Л.И. Брежневым.

Конфронтация с США угрожала советским интересам безопасности гораздо в большей степени, чем конфликт на Ближнем Востоке. Однако советские руководители, будучи убеждены в своей миссии по спасению египтян от израильской агрессии, на последнем этапе войны прибегли к довольно рискованной угрозе прямого военного вторжения в целях принуждения Израиля к прекращению военных действий. Эта мера имела определенное воздействие: советская угроза была использована американской администрацией для усиления давления на Израиль. Американский президент сильно преувеличил советскую угрозу, сравнив ситуацию с Кубинским кризисом 1962 г., но риск столкновения супердержав существовал на протяжении всей войны, особенно с эскалацией противостояния военно-морских сил СССР и США в Средиземном море. Это стало одним из важнейших факторов, подтолкнувших Советский Союз к более активным поискам политического урегулирования конфликта в послевоенный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арабо-израильские войны (1948–1982). Арабский взгляд. М.: Яуза; Эксмо, 2008.
2. Ближний Восток: война и политика / Отв. ред. Г.Г. Исаев, А.А. Сотниченко. М.: Марджани, 2010.
3. Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений. 1945–2008. М.: Аспект-Пресс, 2010.
4. Брутенц К.Н. О революционной демократии // Мировая экономика и международные отношения. 1968. № 3. С. 15–28.
5. Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, 1993.
6. Ефименко Я., Скулин А. Пятая эскадра ВМФ против 6-го флота США. Средиземноморский кризис 1973 г. // Наука и техника. 2012. № 7. С. 20–29.

7. Звягельская И.Д. История Государства Израиль. М.: Аспект-пресс, 2012.
8. История внешней политики СССР: В 2 т. Т. 2 / Под ред. А.А. Громько, Б.Н. Пономарева. М.: Наука, 1981.
9. Карасова Т.А. Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства. М.: Аспект-Пресс, 2015.
10. Наринский М.М. Советский Союз и арабо-израильская война 1973 г. // Новая и новейшая история. 2006. № 4. С. 50–61.
11. Носенко Т.В., Семенченко Н.А. Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М.: ИВ РАН, 2015.
12. Примаков Е.М. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, «Арабское пробуждение» и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. С. 21–31.
13. Примаков Е.М. История одного сговора (ближневосточная политика США в 70-х — начале 80-х годов). М.: Издательство политической литературы, 1985.
14. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М.: Российская газета, 2006.
15. Рыжов И.В. СССР и Государство Израиль. Трудная история взаимоотношений. Нижний Новгород: ИСИ ННГУ; Вектор ТиС, 2008.
16. Хрусталеv М.А. Международные отношения на Ближнем Востоке. М.: МГИМО-Университет, 2002.
17. Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: РОССПЭН, 2018.
18. Barrass G.S. The Great Cold War. A journey through the hall of mirrors. Stanford: Stanford University Press, 2009.
19. Bar-Siman-Tov Y. Israel, the superpowers, and the war in the Middle East. New York; London: Praeger, 1987.
20. Daigle C. The limits of détente. The United States, the Soviet Union, and the Arab-Israeli conflict, 1969–1973. New Haven; London: Yale University Press, 2012.
21. Ginor I., Remez G. The Soviet-Israeli war, 1967–1973: The USSR's intervention in the Egyptian-Israeli conflict. New York: Oxford University Press, 2017.
22. Golan G. Soviet policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1990.
23. Golan G. The Soviet Union and the October War // The October 1973 War. Politics, diplomacy, legacy / Ed. by A. Siniver. London: Hurst & Company Macmillan, 2013. P. 101–118.
24. Halliday F. The Middle East in international relations. Power, politics and ideology. New York: Cambridge University Press, 2010.
25. Heikal M. The road to Ramadan. New York: Ballantine Books, 1975.
26. Heikal M. Secret channels. The inside story of Arab-Israeli peace negotiations. London: Harper Collins Publishers, 1996.
27. Heikal M. The Sphinx and the commissar. The rise and fall of Soviet influence in the Middle East. New York: Harper & Row Publishers, 1978.
28. Kipnis Y. 1973: The road to war. Charlottesville, VA: Just World Books, 2013.
29. Kissinger H. Years of upheaval. Boston, Toronto: Little Brown & Company, 1982.

30. Mearsheimer J., Walt S. The Israel lobby and U.S. foreign policy. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007.
31. Quandt W.B. Decade of decisions. American policy toward the Arab-Israeli conflict, 1967–1976. Berkeley: University of California Press, 1977.
32. Rabinovich A. The Yom Kippur war. The epic encounter that transformed the Middle East. New York: Schocken, 2005.

T.V. Nosenko

**THE SOVIET POLICY IN THE OCTOBER 1973 WAR:
UNKNOWN PAGES
AND HISTORIOGRAPHIC INTERPRETATIONS**

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031*

The 1973 Arab-Israeli war has been examined many times by both Russian and foreign scholars. However, recently there has been an upsurge of interest in the Soviet policy during this war. Along with this, biased and one-sided interpretations of the Soviet position by Western and, especially, Israeli experts get widespread. This paper, based on a wide range of primary sources, both documents and memoirs, which only recently have become available to the academic community, seeks to revise or refute certain historiographic stereotypes regarding the Soviet policy in the Middle East at that period. In this regard, the author examines the Yom Kippur war in terms of the Soviet regional and global political interests, in particular, in the context of emerging US-Soviet détente. As for the regional context, the author pays special attention to the question of the Soviet government ability to influence its Middle Eastern partners, particularly, Anwar Sadat. The paper also highlights the role of ideology in shaping the Soviet position towards the Arab-Israeli conflict. The author concludes that in reality the Soviet influence on the Arab countries was very limited and, for instance, the Egyptian government gravitated more towards the United States than towards the Soviet Union. This reorientation of the Egypt's foreign policy towards the US deprived the USSR of an important ally in the region. It also had a direct impact on subsequent peace negotiations from which the Soviet Union was de facto excluded. Finally, the Yom Kippur war also highlighted the negative effects of the overrideologization of the Soviet foreign policy which impeded the efficiency of the Soviet leaders' response to a rapidly changing situation in the region. At the same time this case reveals the true attitude of the Soviet leaders towards the détente in the Soviet-US relations. On the one hand, the Soviet government did not want the regional conflict to affect a newly reached level of the relationship between the superpowers. On the other hand, the October war unequivocally demonstrated that in the crisis situations the Kremlin's desire to protect the Soviet strategic interests proved to be steadily stronger than its commitment to the spirit of détente.

Keywords: the October 1973 war, the Yom Kippur war, the USSR, the Arab-Israeli conflict, the USA, Egypt, Anwar Sadat, the Middle East, the détente.

About the author: *Tatiana V. Nosenko* — PhD (History), Leading Research Fellow at the Department of Israel and Jewish Communities, Institute of Oriental Studies, the Russian Academy of Sciences (e-mail: nosenkotat@gmail.com).

REFERENCES

1. *Arabo-izrail'skie voyny (1948–1982). Arabskii vzglyad* [Arab-Israeli wars (1948–1982). The Arab view]. 2008. Moscow, Yauza, Eksmo Publ. (In Russ.)
2. Isaev G.G., Sotnichenko A.A. (eds.). 2010. *Blizhnii Vostok: voina i politika* [Middle East: War and politics]. Moscow, The Marjani Publ. (In Russ.)
3. Bogaturov A.D., Averkov V.V. 2010. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. 1945–2008* [History of international relations. 1945–2008]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
4. Brutents K.N. 1968. O revolyutsionnoi demokratii [On the revolutionary democracy]. *World Economy and International Relations*, no. 3, pp. 15–28. (In Russ.)
5. Vasil'ev A.M. 1993. *Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu* [Russia in the Near and Middle East: From messianism to pragmatism]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
6. Efimenko Ya., Skulin A. 2012. Pyataya ehskadra VMF protiv 6-go flota SSHA. Sredizemnomorskii krizis 1973 g. [The fifth navy squadron against the US Sixth Fleet. The Mediterranean crisis of 1973]. *Nauka i tekhnika*, no. 7, pp. 20–29. (In Russ.)
7. Zvyagel'skaya I.D. 2012. *Istoriya Gosudarstva Izrail'* [History of the State of Israel]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
8. Gromyko A.A., Ponomareva B.N. (eds.). 1981. *Istoriya vneshnei politiki SSSR* [History of the foreign policy of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., vol. 2 (In Russ.)
9. Karasova T.A. 2015. *Izrail' i SSHA: Osnovnye etapy stanovleniya strategicheskogo partnerstva* [Israel and the USA: Milestones in strategic partnership]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
10. Narinskii M.M. 2006. Sovetskii Soyuz i arabo-izrail'skaya voina 1973 g. [The Soviet Union and the Arab-Israeli war of 1973]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 4, pp. 50–61.
11. Nosenko T.V., Semenchenko N.A. 2015. *Naprasnaya vrazhda. Ocherki sovetsko-izrail'skikh otnoshenii 1948–1991 gg.* [Vain feud. Essays on the Soviet-Israeli relations 1948–1991]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
12. Primakov E.M. 2012. Blizhnevostochnyi kurs Rossii: istoricheskie etapy [Russia's Middle East course: Historical stages]. In Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). *Blizhnii Vostok, 'Arabskoe probuzhdenie' i Rossiya: chto dal'she?* [The Middle East, the 'Arab awakening' and Russia: What's next?]. Moscow, IV RAN Publ., pp. 21–31. (In Russ.)
13. Primakov E.M. 1985. *Istoriya odnogo sgovora (Blizhnevostochnaya politika SSHA v 70-kh — nachale 80-kh godov)* [The history of one conspiracy (US Middle East policy in the 70s — early 80s)]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russ.)

14. Primakov E.M. 2006. *Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (vtoraya polovina XX — nachalo XXI veka)* [Confidential: The Middle East on the scene and behind the curtains (second half of the 20th — beginning of the 21st century)]. 2nd ed., revised. Moscow, Rossiiskaya gazeta Publ. (In Russ.)
15. Ryzhov I.V. 2008. *SSSR i Gosudarstvo Izrail'*. *Trudnaya istoriya vzaimootnoshenii* [The USSR and the State of Israel]. Nizhny Novgorod, Vektor TiS Publ. (In Russ.)
16. Khrustalev M.A. 2002. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Blizhnem Vostoke* [International relations in the Middle East]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)
17. Shattenberg S. 2017. *Leonid Breschnew*. Staatsmann und Schauspieler im Schatten Stalins. Köln, Böhlau Verlag [Russ. ed.: Shattenberg S. 2018. *Leonid Brezhnev. Velichie i tragediya cheloveka i strany*. Moscow, ROSSPEN Publ.].
18. Barrass G.S. 2009. *The Great Cold War. A journey through the hall of mirrors*. Stanford, Stanford University Press.
19. Bar-Siman-Tov Y. 1987. *Israel, the superpowers and the war in the Middle East*. New York, London, Praeger.
20. Daigle C. 2012. *The limits of détente. The United States, the Soviet Union and the Arab-Israeli conflict, 1969–1973*. New Haven, London, Yale University Press.
21. Ginor I., Remez G. 2017. *The Soviet-Israeli war, 1967–1973: The USSR's intervention in the Egyptian-Israeli conflict*. New York, Oxford University Press.
22. Golan G. 1990. *Soviet policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev*. Cambridge, NY, Cambridge University Press.
23. Golan G. 2013. The Soviet Union and the October War. In Siniver A. (ed.). *The October 1973 War. Politics, diplomacy, legacy*. London, Hurst & Company Macmillan, pp. 101–118.
24. Halliday F. 2010. *The Middle East in international relations. Power, politics and ideology*. New York, Cambridge University Press.
25. Heikal M. 1975. *The road to Ramadan*. New York, Ballantine Books.
26. Heikal M. 1996. *Secret channels. The inside story of Arab-Israeli peace negotiations*. London, Harper Collins Publishers.
27. Heikal M. 1978. *The Sphinx and the commissar. The rise and fall of Soviet influence in the Middle East*. New York, Harper & Row Publishers.
28. Kipnis Y. 2013. *1973: The road to war*. Charlottesville, VA: Just World Books.
29. Kissinger H. 1982. *Years of upheaval*. Boston, Toronto, Little Brown & Company.
30. Mearsheimer J., Walt S. 2007. *The Israel lobby and U.S. foreign policy*. New York, Farrar, Straus and Giroux.
31. Quandt W.B. 1977. *Decade of decisions. American policy toward the Arab-Israeli conflict, 1967–1976*. Berkley: University of California Press.
32. Rabinovich A. 2005. *The Yom Kipur war. The epic encounter that transformed the Middle East*. New York, Schocken.